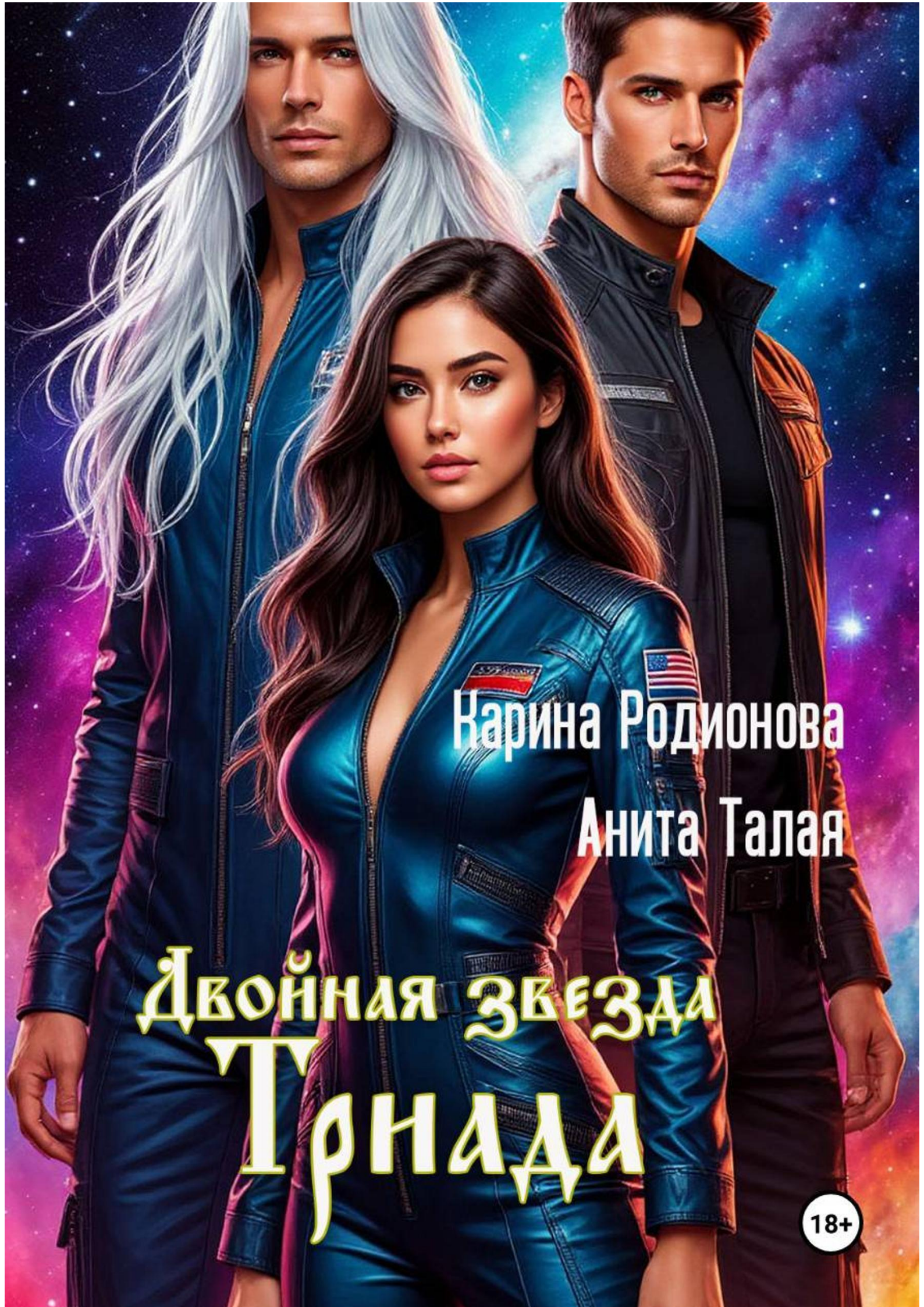
Карина Родионова
Анита Талая
Двойная звезда
Трнада
18+

Карина Родионова

Двойная звезда. Триада

«Автор»
2026

Родионова К.

Двойная звезда. Триада / К. Родионова — «Автор», 2026

Пустой разум. Разорванная связь. Чужая душа в голове. Трое случайных попутчиков теперь чувствуют друг друга целиком: каждое желание, каждый страх, каждую ложь. Их связь стала легендой и превратилась в чужое оружие. Чтобы спасти миллионы, им сначала нужно научиться не сбегать друг от друга.Капитан наемников Дэймон Рэйв ненавидит Нику Ардан. Эта девушка, бывший офицер разведки, а теперь пилот-контрабандист, 6 лет назад предала его, из-за чего ему пришлось провести 2 года в тюрьме. Вэйрин Кай Сол-Террен, военный стратег Альянса, пять лет назад потерял брата по разуму и с тех пор медленно угасает. Все трое попадают в космическую аномалию и между ними возникает вынужденная связь: они чувствую боль друг друга, эмоци и... желания.

© Родионова К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пустой разум 5
Глава 2. Капсула 10
Глава 3. Наёмник 16
Глава 4. Абордаж 23
Гл 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Анита Талая, Карина Родионова
Двойная звезда. Триада

Глава 1. Пустой разум

Патрульный крейсер висел у «Сороки» на хвосте сорок минут, и Нике это уже надоело.

— Неопознанное судно, говорит патрульный корабль Альянса «Неустанный». Заглушите двигатели и приготовьтесь к досмотру. Повторяю…

— Повторяешь, повторяешь, — пробормотала Ника и убрала звук. — Хоть бы раз сказал что-нибудь новое.

На тактическом экране перед ней разворачивался пояс Тессеры: восемь тысяч кубических километров камня, льда и металла, которые вращались в медленном, неумолимом танце. Здешние глыбы были размером от кулака до небольшой луны, и любая из них могла распороть корпус «Сороки», как консервную банку. Нормальные пилоты облетали Тессеру по широкой дуге. Ника считала её своим домом.

Она потянула штурвал на себя, и «Сорока» нырнула под вращающийся обломок размером с жилой квартал. В иллюминаторе мелькнула его поверхность в оспинах, и на долю секунды Ника различила в ней собственную тень. Потом корабль вышел в тёмный разлом между двумя скалами, и тень пропала.

На экране «Неустанный» сбросил скорость. Капитан крейсера был не дурак: тяжёлому кораблю здесь не развернуться.

— Вот так, — сказала Ника. — Посиди на краю, подумай о жизни.

Она знала, что сейчас сделает патруль: выпустит дроны-ищейки и прощупает пояс телепатическим сканером. На борту каждого крейсера Альянса служил хотя бы один вэйрин-сенсор, живой радар, способный различить разум в пустоте за тысячи километров. Обычно этим погони и заканчивались. Двигатель можно заглушить, тепловой след спрятать, а мысли не выключишь.

Свои Ника выключать не умела. Ей это было и не нужно.

На экране вспыхнули и рассыпались веером по краю пояса тридцать зелёных искр. Ника откинулась в кресле, закинула ноги на панель и стала ждать.

Дроны прочёсывали пояс двадцать минут. Два прошли совсем рядом, меньше чем в километре, и по их сенсорам скользнуло холодное внимание вэйрина. Ника его не почувствовала. Она его никогда не чувствовала, только видела на экране, как дрон замирает, поворачивается вокруг оси и разочарованно уходит дальше.

Для сенсора на крейсере «Сорока» была пустым кораблём. Дрейфующим мусором, обломком без единой мысли на борту.

— Ты меня не видишь, — тихо сказала Ника. — Никто меня не видит.

Прозвучало это не так весело, как задумывалось.

Учёные называли это «синдромом нейронной непроницаемости». Встречался он у одного человека на двести тысяч, и никто толком не знал, откуда он берётся. Врачи в академии разведки выразились проще: «пустой разум». Двенадцатилетнюю Нику тогда посадили напротив троих вэйринов-экзаменаторов, и те четыре часа без толку пытались до неё дотянуться. Потом старший из них, сухой и серебристоглазый, сказал ей с плохо скрытым отвращением:

— Как будто смотришь в колодец без дна.

Разведка сочла это даром. Агент, которого не прочтёт ни один телепат, мог пройти любой допрос, любую проверку на лояльность, любую границу. Ника восемь лет была лучшей. Потом ей отдали приказ, которого она не выполнила, и все восемь лет перестали иметь значение.

Теперь она возила грузы, о которых никто не должен был знать, по маршрутам, которых не было на картах. Получалось хорошо. «Пустой разум» по-прежнему проходил любые границы.

Беда была в одном: он проходил и сквозь людей. Шесть лет назад один человек подобрался к ней настолько близко, что она почти забыла про колодец без дна. Почти.

Ника сжала зубы и выпрямилась в кресле.

— Нет, — сказала она вслух. — Только не сегодня.

Иногда, когда воздух в рубке становился слишком тихим, ей казалось, что «Сорока» её слушает. Корабль был старый, сорок лет, корвет-разведчик третьего поколения со списанного флота. Тесный, шумный, капризный, с вечно протекающим конденсатором в правом кормовом отсеке. Ника выкупила его на аукционе за треть цены, потому что никто больше не хотел связываться с такой развалиной. Корабль до сих пор принадлежал ей не целиком: шестьдесят процентов оставались за кредиторами со станции Кессар, и каждый месяц они напоминали об этом всё менее вежливо.

На экране «Неустанный» отозвал дроны, лениво развернулся и ушёл к внутренним мирам.

Ника выждала ещё десять минут ради порядка, потом убрала ноги с панели и запустила двигатели.

— Ладно, старушка. Поехали домой.

«Сорока» ответила знакомой дрожью в переборках, и на одну секунду Нике стало почти хорошо.

Станцию Кессар когда-то строили как горнодобывающую платформу на орбите газового гиганта, а потом, когда руда кончилась, о ней забыли. Теперь на ней жили двенадцать тысяч человек, у которых имелись причины держаться подальше от внутренних миров. Кессар напоминал колесо со сломанными спицами: часть секций была разгерметизирована и наглухо задраена, другие разрастались модулями, пристроенными как попало. Пахло здесь машинным маслом, жареной лапшой, перегретой проводкой и деньгами, которые меняли хозяев без лишних вопросов.

Ника пришвартовалась в доке девятнадцать, заплатила начальнику причала вдвое против тарифа, чтобы он забыл время её прибытия, и пошла в «Ржавый якорь».

Бар был набит под завязку. Над стойкой висел голоэкран, где без звука шли новости из внутренних миров: дебаты в Сенате, авария на Новом Шанхае, лицо мужчины-вэйрина с серебристыми глазами и надписью «Пропал без вести». Ника скользнула по нему взглядом и тут же забыла. Вэйрины пропадали редко, зато кричали об этом всегда громко. Её это не касалось.

— Ардан! — бармен Гус, полуторацентнеровый лысый гигант с механической левой рукой, расплылся в улыбке. — Живая!

— Пока да. Двойной «Пепел», Гус.

— Ты в курсе, что тебя здесь ищут?

— Меня все ищут. — Ника села у стойки. — Кредиторы, патрули, бывшие клиенты. Конкретнее.

Гус налил ей тёмного, густого, пахнущего дымом виски и подвинул стакан. Потом наклонился и понизил голос:

— Дама. Вторые сутки сидит в дальней кабинке. Одна, ничего не пьёт, спрашивала про тебя по имени. Не по позывному, Ника. По имени и званию.

Стакан застыл у её губ.

Званием её не называли уже шесть лет. Знали его здесь человека три, и всем троим она бы доверила разве что выстрел в спину.

— Как выглядит?

— Высокая, седая, стрижка короткая. Держится так, будто вокруг одни дураки, а она тут командует.

Ника медленно поставила стакан на стойку.

— Чтоб тебя, — сказала она очень тихо.

Обернуться она не успела. Сзади раздался знакомый голос, сухой и ровный, как скальпель:

— Здравствуй, лейтенант.

Полковник Ирма Векс совсем не изменилась. Это было, пожалуй, самым неприятным.

Ей было за шестьдесят, но годы на ней не сказывались. Они её затачивали: каждый год убирал что-нибудь лишнее, пока не осталась одна прямая спина, острые скулы и серые глаза цвета брони. Одета она была в гражданское, простой тёмный плащ, но выдавала её не одежда, а осанка. Ирма Векс носила армию внутри.

Она взяла стакан Ники, понюхала и поставила обратно.

— Всё так же пьёшь эту дрянь.

— Всё так же лезете в чужие дела, — ответила Ника. — Гус, у меня тут кабинка свободна?

— Конечно, — пробормотал Гус и как-то сразу оказался в другом конце стойки.

Векс уже шла к дальней кабинке, не оглядываясь, и не сомневалась, что Ника пойдёт следом. Ника постояла, прикинула, сколько шагов до двери, сколько до шлюза и сколько времени нужно, чтобы снять «Сороку» с причала.

Потом взяла стакан и пошла следом. Если бы Векс хотела её арестовать, Ника была бы арестована ещё у шлюза.

Кабинка была отгорожена от зала звукопоглощающей шторой. Векс села спиной к стене и положила на стол маленький металлический цилиндр. По нему пробежала голубая искра, и шум бара пропал совсем, как будто его выключили. Глушилка военного образца. Таких на гражданском рынке не продавали.

— Ну, — Ника села напротив, — у вас полчаса, пока я не допью. Потом я ухожу и делаю вид, что вас не видела.

— Ты всегда была нетерпеливой.

— А вы всегда разговаривали так, как будто зачитываете приговор. Чего вы хотите?

Векс сложила руки на столе. Пальцы у неё были длинные, узловатые, с короткими ногтями без лака.

— Предложить тебе работу.

Ника рассмеялась. Смех вышел неожиданно громким в мёртвой тишине глушилки.

— Работу. Вы. Мне. — Она отпила виски. — В последний раз, когда вы предлагали мне работу, я потеряла звание, карьеру и… — она запнулась, — и много чего ещё.

— Ты потеряла всё это, когда не выполнила приказ.

— Приказ был стрелять в гражданских.

— Приказ был предотвратить утечку. — Голос Векс не потеплел и не похолодел ни на градус. — Мы уже обсуждали это на трибунале, лейтенант. Я не собираюсь обсуждать это снова.

Ника стиснула стакан так, что побелели пальцы. В памяти поднялось то, что она годами учила себя не вспоминать: ангар на Кессиде-4, гул двигателей, человек с тёмными глазами, который стоял у трапа и смотрел на неё. Смотрел так, будто доверял ей. *Последний раз, Ника. Потом отпуск. Две недели, только ты и я, и никакой работы.*

А через два часа его группу взяли. А через неделю военный следователь показал ему запись, где Ника передавала координаты.

Запись была подлинная. Координаты тоже. О том, что ей не оставили выбора, на записи не было ничего.

— Говорите, — хрипло сказала Ника. — Что за работа.

Векс кивнула, как будто ничего другого и не ждала.

— Доставка. Один контейнер, точка А, точка Б. Без досмотров, без регистраций, без вопросов.

— Это я и так делаю. Почему я?

— Потому что груз будут искать. Искать телепаты. — Векс посмотрела ей в глаза. — А тебя они не видят, Ника. Ни тебя, ни того, что рядом с тобой. Твой «пустой разум» расходится от тебя, как тень. Ты это знаешь лучше меня.

Ника этого не знала. Точнее, догадывалась, но никогда не проверяла: о том, что прячется не только она, но и всё вокруг неё, она старалась не думать. Это значило, что её «дефект» больше, чем казалось врачам. И что Векс изучила его лучше, чем сама Ника.

От этой мысли стало холодно.

— Что в контейнере?

— Это не твоё дело.

— Если меня за это аннигилируют, то моё.

— Тебя не аннигилируют, если не будешь его открывать. — Векс достала из кармана плаща чип и положила на стол рядом с глушилкой. — Погрузка завтра в шесть по станционному. Док четыре, частный причал. Доставка на станцию Орфей-7, на краю Пограничного сектора. Четыре дня пути, если идти через Тессеру, а ты пойдёшь через Тессеру.

— А если не пойду?

— Пойдёшь. — Векс подвинула чип на сантиметр к ней. — Здесь первая половина оплаты и номер счёта, куда переведут вторую.

Ника не прикоснулась к чипу.

— Сколько?

Векс назвала сумму.

Ника на секунду перестала дышать.

Этих денег хватало, чтобы выкупить «Сороку» у кредиторов целиком, до последнего болта. Чтобы перебрать двигатель, заменить треклятый конденсатор и купить нормальный навигационный модуль. Чтобы полгода никуда не летать, если не захочется. Чтобы впервые за шесть лет у неё было что-то своё: корабль и свобода, и ни перед кем не надо было бы отчитываться.

Таких денег за честную работу не платят. За честную контрабанду тоже.

— Что-то тут не так, — медленно сказала Ника.

— Многое не так. — Векс встала, расправила плащ и спрятала глушилку. Шум бара обрушился обратно, как волна: музыка, смех, звон стекла. — Но ты возьмёшь заказ. Потому что тебе нужны деньги, потому что ты лучшая, и потому что, — она наклонилась к Нике, и на мгновение в её серых глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление, — тебе больше некуда идти, лейтенант.

Она вышла, не оглядываясь, и толпа сомкнулась за ней, будто её и не было.

Ника ещё долго сидела в кабинке, глядя на чип на столе.

На «Сороку» она вернулась за полночь, слегка пьяная и злая сама на себя.

Корабль встретил её привычным полумраком. Аварийное освещение тускло горело вдоль пола, где-то глубоко в переборках тихо гудела система рециркуляции, а в правом кормовом отсеке, разумеется, капал конденсатор. Кап. Кап. Кап. Ника знала этот звук лучше собственного пульса.

Она прошла в рубку, упала в пилотское кресло и вставила чип в считыватель.

На экране высветился баланс. Векс не соврала, первая половина суммы уже лежала на счёте. Ника посмотрела на цифры, потом закрыла глаза.

Тебе больше некуда идти.

Самое противное было в том, что Векс сказала правду. Ника вообще не помнила, чтобы Векс хоть раз соврала, и, наверное, поэтому её ложь была такой страшной, когда наконец случилась.

Ника открыла глаза и посмотрела в иллюминатор. За ним медленно поворачивался газовый гигант, огромный, оранжевый, в полосах бурь, каждая из которых была больше Земли. Когда-то она могла часами смотреть на такие планеты. Она тогда летала не одна. Рядом был человек, который смеялся над её сарказмом, а потом целовал её, не давая договорить. Он знал, как её рассмешить, когда ей хотелось кого-нибудь убить, и как заставить её замолчать, когда ей хотелось кричать. Говорил ей, что пустой разум — это ерунда, потому что он и так всё про неё понимает. Без всякой телепатии.

Он ошибся. Если бы понимал, то знал бы, что она его не предавала.

Ника провела ладонью по лицу.

— Дура, — сказала она отражению в иллюминаторе. — Шесть лет прошло.

Отражение не спорило.

Она знала, что Дэймон Рэйв вышел из тюрьмы четыре года назад. Знала, что он собрал команду наёмников и что его корабль называется «Шакал». Название показалось ей смешным и очень в его стиле. Знала, что он ни разу не попытался её найти. А она ни разу не попыталась найти его, хотя была уверена, что смогла бы за неделю.

Иногда по ночам ей снилось его лицо. Тёмные глаза, шрам над бровью, привычка трогать большим пальцем её нижнюю губу, прежде чем поцеловать. Его голос, хриплый со сна. Тяжесть его руки у неё на животе. Она просыпалась с колотящимся сердцем, в пустой каюте, на смятых простынях, и потом долго лежала, глядя в темноту, пока тело не переставало помнить.

Нет. Только не сегодня.

Ника выключила экран и пошла в каюту. Стягивая куртку, она думала уже не о Дэймоне, а о Векс, о сумме, о частном причале в доке четыре. О грузе, который будут искать телепаты, и о том, почему для этой работы нужна непременно она, человек, которого не видит ни один разум в галактике.

Где-то на краю сознания ворочалось нехорошее предчувствие, тяжёлое и холодное, как камень на дне колодца.

Ника легла на койку, закинула руки за голову и уставилась в низкий потолок.

Кап. Кап. Кап.

— Последний раз, — сказала она в темноту. — Выкуплю корабль и завяжу. Честно.

«Сорока» ничего не ответила. Только тихо скрипнула переборка, как будто старый корабль вздохнул.

Утром, ровно в пять пятьдесят восемь по станционному времени, Ника Ардан стояла в доке четыре и смотрела, как четверо молчаливых грузчиков в серых комбинезонах без нашивок закатывают в трюм «Сороки» длинный матово-чёрный контейнер.

Размерами он был почти с человека.

От него тянуло холодом, на металле оседал иней, и он едва слышно гудел. Звук был низкий, почти на пороге слуха, и почему-то от него у Ники заныли зубы.

Когда грузчики ушли, а шлюз закрылся, Ника ещё минуту стояла в трюме одна и смотрела на контейнер.

— Ничего личного, — сказала она ему. — Просто работа.

Контейнер гудел.

Ника развернулась и пошла в рубку. Если бы она в этот момент обернулась, то, может быть, заметила бы, что иней на крышке контейнера на секунду растаял. Ровно в том месте, где только что лежал её взгляд.

Но она не обернулась.

Глава 2. Капсула

Первые сутки прошли так спокойно, что это было подозрительно.

«Сорока» вышла из дока Кессара в шесть сорок, точно по графику. Начальник причала даже не поднял головы от планшета: за ту сумму, которую ему перевели неизвестные заказчики, он, похоже, согласился бы не заметить и линкор. Через три часа газовый гигант остался за кормой оранжевой точкой, а впереди снова раскрылась Тессера: камень, лёд и тишина.

Ника провела корабль по своему старому маршруту, через «Горло», узкий коридор между двумя ледяными глыбами, которые медленно сходились друг с другом уже несколько тысяч лет. Через «Решето», поле мелкого щебня, где сенсоры сходили с ума от помех. Через «Кладбище», остатки разбитого грузовоза, которые она давным-давно научилась использовать как укрытие.

Никаких патрулей. Никаких дронов. Даже обычных для этих мест стервятников-сборщиков, которые прятались в поясе и нападали на одиночные корабли, и тех не было.

— Не нравится мне это, — сказала Ника «Сороке».

«Сорока» промолчала, но в правом кормовом отсеке капнул конденсатор, и это прозвучало как согласие.

Контейнер она за сутки ни разу не навестила. Это было правило, которое Ника выучила давно, ещё в первый год после трибунала: не смотри на груз, не думай о грузе, не называй груз никак, кроме «груза». Чем меньше знаешь, тем меньше расскажешь, когда тебя возьмут. А когда-нибудь тебя возьмут обязательно.

Но правило не мешало ей чувствовать контейнер.

Странно было даже думать так. Ника никогда ничего не *чувствовала* в том смысле, в каком это слово употребляли телепаты. Её мир был плоским и тихим: то, что она видела, слышала и трогала, существовало, а всё остальное было догадками. Но весь первый день, о чём бы она ни думала, где-то на краю внимания маячил трюм. Как будто там, внизу, кто-то стоял и смотрел ей в затылок.

Она списала это на нервы, на вчерашний виски и на Векс. В основном на Векс.

К вечеру, по корабельному времени, она поужинала саморазогревающимся пайком со вкусом «говядина по-бургундски» (на самом деле со вкусом картона и соли), проверила курс, выставила автопилот и пошла спать.

Уснула она быстро. Проснулась в три часа ночи от того, что кто-то позвал её.

Ника лежала в темноте и не дышала.

Каюта была крохотной: койка, встроенный шкаф, откидной столик, иллюминатор размером с ладонь. Здесь негде было спрятаться. Здесь некому было говорить.

Она медленно протянула руку под подушку и нащупала рукоять пистолета. Привычное движение, привычный холод металла. Она выждала минуту, потом ещё одну. Тихо гудела рециркуляция. Капал конденсатор.

Тишина.

Приснилось, — решила Ника и почти успела в это поверить.

А потом голос прозвучал снова.

Он раздался не в каюте. Он раздался *внутри*, там, где у Ники никогда в жизни ничего не звучало, кроме её собственных мыслей. Слов разобрать было нельзя. Это было похоже на звук, который слышишь сквозь толщу воды: низкий, глухой, бесформенный. Но в нём было что-то такое, от чего у неё мгновенно перехватило горло.

Боль.

Не её боль. Чужая, огромная, старая, как будто кто-то годами носил её в себе, пока она не срослась с костями. И сквозь эту боль, едва различимо, одно слово, повторяющееся снова и снова, как удары сердца:

…Тэль… Тэль… Тэль…

Ника села на койке так резко, что ударилась головой о верхнюю полку. Выругалась вслух, громко и грязно, и звук собственного голоса немного привёл её в чувство.

Голос в голове смолк.

Она сидела, держась за макушку, и слушала, как бешено колотится сердце.

— Так, — сказала она темноте. — Так. Спокойно.

Телепатов на борту не было. Это она знала точно: она проверяла корабль перед вылетом, как всегда, от носа до кормы. Да и не могло быть телепата, который до неё дотянулся бы. Её не слышал ни один вэйрин в галактике. Трое экзаменаторов в академии бились над ней четыре часа. Её прощупывали лучшие сенсоры разведки. Колодец без дна.

Значит, это не телепатия. Значит, это у неё в голове. Галлюцинации, перегрузка, недосып, последствия вчерашнего разговора, шесть лет одиночества. Что угодно.

Ника легла обратно, положила пистолет на грудь и уставилась в потолок.

Голос больше не возвращался. Но заснуть она так и не смогла.

Утром она стояла в трюме.

Она не помнила, как решила спуститься. Просто выпила кофе в рубке, проверила курс, а потом обнаружила, что уже идёт по узкому трапу вниз, и ноги несут её сами.

В трюме было холодно. Гораздо холоднее, чем должно было быть: система климат-контроля держала здесь плюс двенадцать, а дыхание вырывалось изо рта облачками пара. Источник холода был очевиден. Контейнер лежал там, где его оставили грузчики, закреплённый магнитными захватами. Иней на нём разросся за сутки в причудливые узоры, похожие на папоротники.

И он гудел. Тот же низкий звук на пороге слуха, от которого ныли зубы.

Ника обошла его по кругу. Длина около двух метров. Матовый чёрный металл без маркировок, без серийных номеров, без логотипов. На торце панель управления, утопленная в корпус и закрытая крышкой с кодовым замком. Больше ничего.

— Ну и что ты такое? — тихо спросила она.

Она протянула руку и почти коснулась инея. Почти.

Не открывай. Ни при каких обстоятельствах.

Ника отдёрнула руку.

— Ты права, — сказала она вслух, обращаясь то ли к отсутствующей Векс, то ли к себе. — Не моё дело.

Она развернулась, поднялась в рубку и весь день старательно не думала о трюме. Перебрала фильтры рециркуляции, которые давно пора было перебрать. Почистила оружие. Час гоняла на симуляторе манёвры уклонения. Посмотрела половину старого фильма про пиратов, где все были красивыми, а космос шумел, как море.

Не помогло.

Трюм был внизу, как больной зуб. Как взгляд в затылок.

Вторая ночь была хуже.

На этот раз голос пришёл не сразу. Сначала пришёл сон.

Ника стояла на берегу моря, которого никогда не видела. Вода была серебристой, тяжёлой, как ртуть, а небо над ней светилось двумя лунами. Рядом кто-то был. Она не видела его, но знала, что он там, справа, в полушаге. Знала его так, как знают собственную руку: не глядя, не думая. Его тепло, его дыхание, его мысли, которые переплетались с её мыслями, как пальцы.

Смотри, — сказал он, и она посмотрела, и это было так полно, так спокойно и правильно, что у неё защемило в груди.

А потом справа стало пусто.

Он не ушёл, не исчез, просто в один миг на его месте образовалась дыра. Как будто кто-то вырвал половину её тела, и все нервы, которые вели туда, остались висеть в пустоте, оголённые, кричащие. Ника упала на колени в серебристый песок, и боль была такой, что она не могла даже кричать.

Тэль, — подумала она чужими мыслями. — *Тэль. Тэль. Тэль.*

Пустота не отвечала.

Ника проснулась мокрая от пота, с мокрым лицом. Она плакала во сне. Она не плакала уже много лет, даже на трибунале, даже в ту ночь, когда узнала, что Дэймону дали два года, а ей не дали даже права на свидание.

Голос был здесь. Совсем близко, гораздо ближе, чем вчера. Уже не через толщу воды, а будто кто-то стоял за тонкой стеной.

…больно… холодно… где… кто…

И потом, медленно, с огромным трудом, как будто тот, кто говорил, поворачивал голову в её сторону:

…ты…?

Ника вскочила с койки.

На этот раз она даже не стала брать пистолет. Босиком, в майке и коротких шортах, в которых спала, она слетела по трапу в трюм. Холод обжёг кожу, металлический пол обжёг ступни. Контейнер гудел громче, чем днём. Иней на крышке подтаял.

Ника упала перед панелью на колени.

— Ладно, — выдохнула она, и пар облачком сорвался с губ. — Ладно, чёрт тебя возьми. Посмотрим.

Кодовый замок был хорошим. Военным. Но восемь лет в разведке научили Нику многому, в том числе и тому, что у любого замка есть сервисный порт, а у любого сервисного порта есть производитель, который любит экономить на защите. Ей понадобилось двенадцать минут, мультитул из ящика с инструментами и одно очень злое ругательство.

Крышка панели щёлкнула и откинулась.

Под ней оказался экран. На экране светились показатели: температура минус сорок, давление, пульс… *пульс*… двенадцать ударов в минуту. Дыхание: два вдоха в минуту. Мозговая активность: на графике бежала ровная, почти плоская линия, и только время от времени она вздрагивала острым пиком.

Пик. Пик.

Ты…?

Ника прижала ладонь ко рту.

Внизу экрана светилась маленькая иконка: «Смотровое окно». Её палец завис над ней на целую вечность. Последний шанс. Закрыть панель. Подняться наверх. Лечь спать. Через два дня сдать груз на Орфее-7, получить вторую половину оплаты и навсегда забыть про контейнер, голоса и сны о серебристом море.

Ника нажала на иконку.

Часть крышки контейнера, прямо над тем местом, где у человека была бы голова, тихо зашипела и стала прозрачной. Иней стёк по ней ручейками.

Внутри лежал мужчина.

Первое, что она подумала, совершенно идиотское: *он красивый*.

Не так, как бывают красивы люди. Так, как бывают красивы статуи, или клинки, или ледники. Лицо удлинённое, с высокими скулами, с резко очерченным ртом, бледное до синевы. Кожа отливала едва заметным перламутром, как изнанка раковины. Волосы, длинные, светлые, почти белые, рассыпались по подложке капсулы. На висках и вдоль линии челюсти тонкие узоры, похожие на серебряную вязь под кожей: нейронные метки.

Вэйрин.

Глаза у него были закрыты. Ресницы, такие же светлые, как волосы, покрылись мелкими кристаллами льда. К вискам тянулись тонкие трубки, к шее тоже, ещё одна уходила под ворот серого больничного комбинезона. Губы были сухими и потрескавшимися.

И он был ей знаком.

Ника смотрела на это лицо, и где-то на задворках памяти медленно всплывал голоэкран над барной стойкой в «Ржавом якоре». Беззвучные новости. Серебристые глаза. Надпись под фотографией, мимо которой она прошла взглядом, потому что её это не касалось.

«Пропал без вести».

— Нет, — прошептала Ника. — Нет-нет-нет.

Она вскочила, взлетела по трапу в рубку, оставляя на полу мокрые следы, и вывела на экран новостную ленту. Последнее обновление было трёхдневной давности, до того, как «Сорока» ушла в Тессеру, где не ловил ни один сигнал. Но ей хватило.

«…продолжаются поиски Кая Сол-Террена, ведущего военного стратега Альянса, исчезнувшего шесть дней назад из закрытого медицинского центра на Аркадии-2. По данным источников, стратег находился на лечении после… Совет вэйринов называет произошедшее похищением и актом агрессии против Альянса… к поискам подключены все сенсорные подразделения флота… за информацию назначено вознаграждение…»

Фотография на экране. Серебристые глаза, светлые волосы, перламутровая кожа, холодный, неулыбчивый рот. Военная форма с нашивками, которые Ника когда-то знала наизусть. Владельцев таких нашивок в Альянсе было, может быть, человек двадцать.

Она медленно опустилась в кресло.

Груз будут искать. Искать телепаты.

Тебя они не видят, Ника. Ни тебя, ни того, что рядом с тобой.

Векс знала. Разумеется, Векс знала. Векс знала с самого начала, сколько стоит эта работа и почему никто, кроме Ники, её не сделает. Самый разыскиваемый вэйрин Альянса лежит в трюме её корабля, и ни один сенсор флота его не найдёт, потому что рядом с ним стоит колодец без дна.

А Ника Ардан, бывший лейтенант разведки, разжалованная по приговору трибунала, теперь его похитительница. Соучастница. Террористка. За похищение вэйрина такого ранга в Альянсе полагалось одно наказание, и это было не два года тюрьмы.

— Ладно, — сказала она очень спокойно. — Ладно. Думай.

Вариант первый: выйти из Тессеры, связаться с ближайшим патрулём, сдать контейнер и рассказать правду. Её арестуют в ту же секунду. Её слово против слова Векс. Слово разжалованной контрабандистки против слова полковника с безупречным послужным списком. Она уже проходила это шесть лет назад. Она знала, чем это заканчивается.

Вариант второй: выбросить контейнер в Тессере. Пусть кружится среди скал, пока не кончится питание капсулы. Никто никогда не найдёт.

Ника посмотрела на свои руки. На них ещё блестела влага от растаявшего инея.

…больно… холодно…

— Нет, — сказала она. — Это нет.

Вариант третий: довезти до Орфея-7, отдать, забыть. Сделать то, за что заплатили.

Она подумала о том, что ждёт его на Орфее-7. Подумала о серебристом море во сне и о пустоте справа, о том, как кто-то годами носил эту пустоту в себе. *Тэль. Тэль. Тэль.*

Чёрт.

Вариант четвёртый: она ещё не придумала, но придумает. Обязательно. Сейчас.

Для начала надо было выйти из Тессеры на связь и узнать, что ещё известно. Ника развернула навигационную карту, проложила кратчайший курс к краю пояса и уже потянулась к штурвалу, когда на панели вспыхнул огонёк.

Входящее сообщение.

В Тессере не работала никакая связь. Слишком много металла, слишком много помех. Ника летала здесь годами и ни разу не получила ни одного сигнала. Сообщение могло прийти только по узконаправленному лучу, с очень близкого расстояния, от того, кто точно знал, где она находится.

Ника медленно повернулась к тактическому экрану.

Пусто. Камни, лёд, обломки. Ни одного корабля.

Значит, корабль был, но такой, которого не видят сенсоры «Сороки». Значит, он шёл за ней от самого Кессара. Через «Горло», через «Решето», через «Кладбище». Всё это время. Пока она гадала, почему в поясе так пусто и спокойно.

Пальцы у неё не дрожали. Восемь лет разведки. Она открыла сообщение.

Текст был коротким. Без подписи. Подпись была не нужна.

«Я же просила не открывать. Ничего страшного. Продолжай движение к Орфею-7 по графику. Любое отклонение от курса будет расценено как нарушение контракта. Спокойной ночи, лейтенант».

Ника перечитала сообщение дважды. Потом медленно подняла глаза к маленькой чёрной полусфере камеры внутреннего наблюдения под потолком рубки. Камеры, которую она сама не ставила.

Она даже не заметила её при предполётной проверке. Восемь лет разведки, и не заметила.

— Сука, — сказала Ника в камеру спокойно и отчётливо.

Камера, разумеется, не ответила.

Ника не стала её срывать. Это было бы бессмысленно: если Векс поставила одну, то поставила и десять, и маячок в двигательном отсеке, и, возможно, кое-что ещё, о чём лучше было не думать. Например, заряд в топливной магистрали на случай, если «нарушение контракта» окажется слишком серьёзным.

Она переложила курс обратно на Орфей-7. Проверила автопилот. Налила себе кофе, который давно остыл, и выпила его залпом, не чувствуя вкуса.

Потом спустилась в трюм.

Смотровое окно капсулы всё ещё было прозрачным. Мужчина за ним лежал так же неподвижно, как прежде, только иней на ресницах растаял, и светлые ресницы казались мокрыми. Как будто он тоже плакал во сне.

Ника села на холодный пол рядом с контейнером, поджав босые ноги, и прислонилась плечом к ледяному металлу. Её колотило от холода, но вставать не хотелось.

— Кай Сол-Террен, — сказала она тихо. — Ведущий военный стратег Альянса. Приятно познакомиться. Я Ника. Я, кажется, тебя похитила.

Капсула гудела.

— Не знаю, слышишь ли ты меня. Наверное, нет. Меня вообще никто не слышит. Это, знаешь, такая особенность. — Она нервно усмехнулась. — Так что если ты там, внутри, кричал мне последние две ночи, то ты либо очень сильный, либо я схожу с ума. Честно говоря, второй вариант кажется мне вероятнее.

Тишина. Рециркуляция. Конденсатор.

— Я не знаю, что с тобой будет на Орфее, — продолжила Ника. — Но догадываюсь, что ничего хорошего. И я не знаю, как это остановить, потому что за нами идёт корабль, которого я не вижу, и в моей рубке камера, которую я не ставила, и, кажется, меня опять обыграли. Как шесть лет назад. — Она закрыла глаза. — Но я что-нибудь придумаю. Слышишь? Обещаю. Что-нибудь придумаю.

Она не знала, зачем это говорит. Обещания пустому контейнеру. Обещания мужчине, который её не слышит, которого она видит в первый раз в жизни и о котором знает только имя и чужую боль из чужого сна.

Капсула гудела ровно, монотонно.

А потом, очень тихо, так тихо, что она решила бы, будто ей показалось, если бы не почувствовала это всем телом, от затылка до кончиков пальцев, внутри, в том месте, где у неё никогда ничего не звучало, кто-то сказал:

…ты… не пустая…

Ника замерла.

Голос был другим, не тем, что во сне. Не криком, не бормотанием сквозь толщу воды. Ясным, слабым, удивлённым. Как будто человек, который пять лет шёл по тёмному коридору, вдруг наткнулся рукой на тёплую стену.

…там… есть кто-то… в колодце…

У неё по коже побежали мурашки, и холод трюма тут был ни при чём.

— Кай? — прошептала она.

Ответа не было. Линия на мониторе вздрогнула острым пиком и снова стала ровной.

Ника сидела рядом с капсулой до самого утра, прижавшись плечом к ледяному металлу, и слушала тишину у себя в голове. Тишина впервые в жизни казалась ей не пустотой, а ожиданием.

А в восьмистах километрах позади, невидимый для сенсоров «Сороки», шёл тёмный корабль без опознавательных знаков, и полковник Ирма Векс смотрела на экран, где босая женщина спала, сидя на полу трюма, у капсулы со своим грузом.

— Началось, — сказала Векс своему адъютанту. — Быстрее, чем мы рассчитывали.

— Перехватчик уже нанят, полковник. Капитан Рэйв принял заказ час назад.

Векс кивнула, не отрывая взгляда от экрана.

— Хорошо, — сказала она. — Пусть встретятся.

Глава 3. Наёмник

Голова у Дэймона Рэйва раскалывалась с самого утра. По опыту он знал, что к вечеру станет только хуже.

Он лежал на койке в капитанской каюте «Шакала», закрыв лицо локтем, и пытался договориться с болью. Договариваться с ней он умел: двенадцать лет мигреней научили. Не шевелиться. Не открывать глаз. Дышать на четыре счёта. Не думать о свете, о звуке и особенно о том, что ему опять снилось.

Последнее не получалось никогда.

Сон был тот же, что и прошлой ночью, и позапрошлой. Холод. Не такой холод, как зимой на Кессиде, когда ветер с гор пробирает сквозь куртку. Другой: глубокий, неподвижный, как будто холод был не снаружи, а внутри, в крови, в костях, в каждой мысли. Темнота. Гул на самом пороге слуха. И где-то в этой темноте, далеко-далеко, кто-то звал. Не его. Кого-то другого, имя которого Дэймон, проснувшись, никак не мог вспомнить.

Он к таким снам привык. Сколько себя помнил, ему снились чужие жизни. Улицы городов, где он никогда не бывал. Лица людей, которых он никогда не встречал. Однажды целую неделю ему снилось, что он старуха, торгующая рыбой на причале какой-то водной планеты. Он знал, как пахнут её руки, как ноет её спина, как зовут её покойного мужа. Врачи в тюремном лазарете на Рахаде называли это «посттравматическими диссоциативными эпизодами» и выписывали таблетки, от которых он тупел и всё равно видел сны.

Он давно перестал рассказывать о них врачам. Да и вообще кому-либо.

В дверь каюты постучали. Дважды, потом пауза, потом ещё раз: так стучал только Ласло.

— Открыто, — сказал Дэймон, не убирая руки с лица.

Дверь отъехала с шипением, и в каюту хлынул свет из коридора. Дэймон зашипел не хуже двери.

— Прости, капитан. — Ласло прикрыл дверь, оставив щель. — Снова голова?

— Снова голова. Если ты пришёл сказать, что у нас кончился кофе, я тебя выброшу через шлюз.

— Кофе есть. — Ласло помолчал. — Есть работа.

Ласло Ферро был старше Дэймона на пятнадцать лет и летал с ним с первого дня после Рахада. Невысокий, жилистый, с лицом, похожим на высохшее яблоко, и руками, которые могли посадить «Шакала» на астероид размером с футбольное поле. Он был пилотом, старпомом, корабельным врачом, когда надо, и единственным человеком на борту, которому Дэймон позволял видеть себя с мигренью.

В тюрьме они сидели в соседних камерах. Ласло получил шесть лет за то, что отказался стрелять по забастовщикам на рудниках Тегара. Дэймон получил два за то, что ему доверяла не та женщина. Или за то, что он доверял не той женщине. Он так и не решил, как правильнее.

Дэймон сел на койке, опустил ноги на пол и наконец открыл глаза. Каюта поплыла, потом остановилась.

— Выкладывай.

Ласло протянул ему планшет.

— Пришло через брокера на Хальме, час назад. Шифр высокий, деньги уже на эскроу. Заказчик анонимный.

— Они всегда анонимные.

— Этот особенно.

Дэймон взял планшет. Строчки поплыли перед глазами, и ему пришлось несколько раз моргнуть, прежде чем они встали на место.

Заказ был простым. Перехватить корабль в поясе Тессеры. Изъять груз: один контейнер, герметичный, вскрывать запрещено. Доставить груз по координатам, которые будут сообщены после изъятия. Судьба экипажа перехватываемого судна «на усмотрение исполнителя». Прилагался пакет навигационных данных: точный маршрут цели через пояс с отметками времени. И ещё кое-что, отчего Ласло, видимо, и пришёл лично, а не по связи: модуль сопряжения для сенсоров, чтобы видеть цель там, где в Тессере не видно ничего.

Сумма стояла внизу.

Дэймон присвистнул, и от свиста в виске взорвалась маленькая сверхновая.

— Это что, они нам корабль новый покупают?

— Почти, — сказал Ласло. — Я поэтому и говорю: не нравится мне это. За такие деньги перехватывают не контрабандиста. За такие деньги перехватывают того, кого очень сильно не хотят отдавать.

— Или и то, и другое, — сказал Дэймон.

— Или и то, и другое.

Дэймон пролистал вниз. Технические данные цели. Корвет-разведчик третьего поколения, списанный, класс «Стриж». Сорокалетнее корыто с одним пилотом на борту, без экипажа. Вооружение лёгкое. Броня никакая. Работы на два часа, если пилот не самоубийца, и на час, если самоубийца.

Название корабля: «Сорока».

Имя капитана…

Дэймон не дочитал. Не смог. Строчка просто перестала складываться в слова. Буквы стояли на месте, чёткие, белые на сером, а смысл соскальзывал с них, как вода со стекла.

Капитан: Ардан, Ника. Бывш. лейтенант разведки Альянса. Разжалована по приговору трибунала.

— Капитан? — осторожно спросил Ласло.

Дэймон положил планшет на койку экраном вниз. Аккуратно, как кладут вещи, которые могут взорваться.

— Выйди, Лас. Дай мне десять минут.

Ласло посмотрел на него, потом на планшет, потом снова на него. Ласло умел читать. И Ласло, в отличие от всех остальных на «Шакале», знал это имя.

— Я буду в рубке, — сказал он и вышел.

Шесть лет назад была Кессида-4. Ангар, гул двигателей, запах горячего металла и озона. Утро, которое пахло как любое другое утро перед операцией.

Она стояла у трапа челнока в сером лётном комбинезоне, волосы собраны в узел на затылке, на скуле след от подушки, которого она не заметила и о котором он не сказал ей, потому что ему нравилось думать, что этот след знает только он. Она проверяла оружие, пересчитывала магазины, хмурилась на планшет с картой. Всегда хмурилась перед операцией. Говорила, что это помогает думать. Он говорил, что это помогает ей выглядеть сердитой, а сердитой она была красивее всего.

— Последний раз, Ника, — сказал он тогда. — Потом отпуск. Две недели, только ты и я, и никакой работы.

Она подняла на него глаза. Серые, тёмные, как небо перед грозой. И сказала:

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она посмотрела на него странно. Долго, как будто хотела что-то сказать и не решалась. Он запомнил этот взгляд. Он годами потом разбирал его по кадрам, как запись допроса, и каждый раз видел там новое: страх, сомнение, вину. Тогда он увидел только нежность и решил, что она просто устала.

Через два часа его группу взяли на точке высадки. Шестеро. Чисто, без единого выстрела: их ждали. Троих потом так и не нашли.

Через неделю военный следователь, вежливый молодой человек с пустыми глазами, положил перед ним планшет и включил запись. На записи была Ника. Та же рубка, тот же серый комбинезон, тот же узел волос. Она диктовала координаты точки высадки в защищённый канал. Медленно, внятно, цифра за цифрой. Лицо у неё было совершенно спокойным.

— Лейтенант Ардан сотрудничает со следствием, — сказал вежливый молодой человек. — Советую последовать её примеру, капитан.

Дэймон не последовал. Он вообще ничего не сказал следователю: ни в тот день, ни в следующие. Ему было нечего сказать. Он не знал, на кого работала его группа на самом деле, он узнал это позже, и это было совсем не то, во что он верил. Но тогда, в допросной, он думал только об одном. О том, как она смотрела на него у трапа. *Обещаешь?*

Ему дали два года. Свидания запретили. Она не пришла бы всё равно, говорил он себе. Не пришла бы и не написала бы. И она не пришла и не написала.

Он вышел с Рахада с Ласло, долгами, мигренями и твёрдым решением больше никогда никому не доверять настолько, чтобы потом сидеть в допросной и смотреть на запись.

Решение он выполнял четыре года. Почти без исключений.

Дэймон встал, подошёл к раковине в углу каюты и плеснул в лицо холодной водой. Потом ещё раз. Из зеркала на него смотрел мужчина тридцати четырёх лет, небритый, с тёмными кругами под глазами, тёмными спутанными волосами и тонким белым шрамом над левой бровью. Шрам был старый, ещё с академии. Она любила трогать его губами. Говорила, что он похож на запятую, как будто кто-то начал писать о нём фразу и не закончил.

— Хватит, — сказал Дэймон отражению.

Отражение выглядело так, будто не собирается слушаться.

Он вытер лицо, вернулся к койке и снова взял планшет. Перечитал заказ медленно, строчку за строчкой, теперь уже холодно, как читал всегда. Как будто имя в нём было просто именем.

Что-то не сходилось.

Анонимные заказчики обычно не указывали ни имени капитана цели, ни его биографии. Это было лишнее: наёмнику нужны координаты, класс корабля, вооружение. Не послужной список. Не «разжалована по приговору трибунала». Кто-то положил эту строчку сюда специально. Кто-то хотел, чтобы Дэймон Рэйв прочёл именно это имя.

Значит, кто-то знал. Про Кессиду, про трибунал, про всё.

Значит, этот кто-то рассчитывал, что он согласится, именно *потому что*это она.

Дэймон сидел, глядя на экран, и в голове у него медленно, сквозь боль, складывались два варианта. Первый: отказаться. Вернуть деньги на эскроу, сказать брокеру, что «Шакал» занят, и улететь на другой конец сектора, где нет ни Тессеры, ни её. Это было разумно. Это было то, что он сказал бы любому из своей команды: если работу тебе подносят на блюдечке, проверь, не яд ли на блюдечке.

Второй вариант был неразумным совсем.

Шесть лет. Ни разу он не попробовал её найти. Ни разу. Он гордился этим, как гордятся бывшие пьяницы каждым трезвым днём. Он знал, что если найдёт её, то задаст единственный вопрос, который у него остался: *почему*. И знал, что любой ответ будет хуже, чем молчание.

А теперь кто-то положил её на блюдечко. Пояс Тессеры, точный маршрут, время. Можно будет посмотреть ей в глаза.

И задать вопрос.

Дэймон нажал кнопку связи.

— Лас. Отвечай брокеру.

— Отказ? — с надеждой спросил Ласло.

— Цена вдвое.

Пауза в динамике была очень выразительной.

— Капитан…

— Вдвое, Лас. Если им нужен именно я, пусть платят за именно меня. Если откажутся, значит, им был нужен просто наёмник, и пусть ищут другого.

Ещё одна пауза. Потом Ласло сказал очень ровно:

— Понял. Отправляю.

Дэймон отключил связь, лёг обратно на койку и закрыл глаза рукой.

Он ставил на то, что они откажутся. Почти надеялся.

Ответ пришёл через одиннадцать минут. Он узнал об этом, когда Ласло снова постучал: дважды, пауза, раз.

— Согласились, — сказал Ласло из-за двери. — Без торга. Вторая половина суммы уже на эскроу. И ещё. Заказчик просил передать лично капитану.

— Что передать?

Ласло помолчал.

— «Она ничего не узнает, пока вы не будете на борту. Удачной охоты, капитан Рэйв».

Дэймон лежал не двигаясь.

— Курс на Тессеру, — сказал он наконец. — Собери всех в кают-компании через час.

В кают-компании «Шакала» помещалось ровно пять человек, если никто из них не делал резких движений. Стол был привинчен к полу, стулья тоже, на переборке висела доска для дартса, утыканная таким количеством дыр, что мишень давно было не разглядеть. Пахло кофе, машинным маслом и жареным луком: Хокк опять пытался готовить.

Команда собралась вся. Ласло сидел в углу, вытянув ноги, и делал вид, что дремлет. Ренна Кваш, корабельный инженер, двадцати шести лет, с бритыми висками и татуировкой схемы реактора на предплечье, разбирала на столе какой-то блок и не поднимала головы. Хокк, огромный, медлительный, с лицом добродушного медведя и двумя модифицированными руками, которые могли согнуть стальную балку, ел что-то из миски, которую держал как чашку. И Тео, их связист и стрелок, самый младший, двадцать лет, худой, как жердь, с вечно взъерошенными рыжими волосами, нервно стучал пальцами по столу.

Дэймон стоял у двери, прислонившись к переборке. Голова к этому времени разболелась так, что он видел мир будто сквозь мутное стекло. Но он стоял прямо. При команде он всегда стоял прямо.

— Работа, — сказал он. — Перехват в поясе Тессеры. Один корабль, один пилот, лёгкое вооружение. Груз изымаем и доставляем. Деньги такие, что каждый из вас сможет уйти на пенсию, если захочет. Не захотите, сможете купить себе по новой руке, Хокк.

Хокк улыбнулся над миской.

— Мне и эти нравятся.

— В чём подвох? — Ренна не подняла головы от блока.

— Подвох в том, что мы не знаем, что везём. И не знаем, кто платит. И кто-то очень хорошо знает, кто такие мы.

— Мило, — сказала Ренна. — А пилот?

Дэймон помолчал секунду. Ласло в углу перестал делать вид, что спит.

— Пилот — бывший офицер разведки. Хороший. Очень хороший. В Тессере у неё преимущество: она там дома. Не недооценивать. Брать живой.

— Брать живой — это в заказе? — спросил Тео.

— Это в моём приказе.

Тео открыл было рот, но перехватил взгляд Ласло и закрыл.

— Пилот — женщина? — Ренна наконец подняла голову и посмотрела на Дэймона очень внимательно. — Ты сказал «у неё».

— Женщина.

— Ты её знаешь.

Это был не вопрос. Ренна, как многие инженеры, разговаривала утверждениями и редко ошибалась.

Дэймон выдержал её взгляд.

— Знал, — сказал он. — Давно. Это не будет проблемой.

Ренна смотрела на него ещё секунду, потом пожала плечами и вернулась к блоку.

— Как скажешь, кэп.

— Восемнадцать часов до входа в пояс, — сказал Дэймон. — Ренна, мне нужен абордажный рукав и полный комплект резаков: у «Стрижей» шлюзы старого образца, могут заклинить. Хокк, броня и оружие. Без тяжёлого: внутри «Стрижа» не развернуться, и мне не нужны дыры в корпусе. Тео, к тебе пришёл модуль сопряжения для сенсоров, подключи и проверь. Лас, курс.

— Есть.

Команда начала расходиться. Ласло задержался в дверях, поравнялся с Дэймоном и сказал тихо, не глядя на него:

— «Не будет проблемой».

— Не будет.

— Ты три дня не спишь, Дэймон. Ты бледный, как стена. И ты только что поднял цену вдвое, чтобы тебе отказали, а когда не отказали, у тебя стало такое лицо, будто тебе подарили то, чего ты больше всего хотел и больше всего боялся.

Дэймон промолчал.

— Просто имей в виду, — сказал Ласло. — Я видел тебя на Рахаде. Первые полгода. Я не хочу видеть это снова.

Он ушёл. Дэймон остался стоять у переборки, прижав затылок к холодному металлу.

Модуль сопряжения Тео подключил через три часа и пришёл в рубку с лицом человека, который увидел привидение.

— Кэп, это не гражданская штука. И не наёмничья. Это военная разработка, флотская, причём такая, какой я даже в каталогах не видел. Она подключается не к нашим сенсорам, а к чужим. Где-то в поясе есть ещё один корабль, и наши данные идут через него. Мы видим то, что видит он.

— Чей корабль?

— Не знаю. Он не опознаётся. Его как будто вообще нет. — Тео сглотнул. — Но цель он видит. Смотрите.

На экране вспыхнула карта Тессеры. Каменная мешанина, облака щебня, ледяные глыбы. И в самом центре этого хаоса, на тонкой пунктирной линии, крохотная зелёная метка.

«Сорока».

Метка двигалась медленно и уверенно, вписываясь в повороты между скалами так, будто корабль вёл не пилот, а сам пояс. Дэймон смотрел на неё и узнавал почерк. Узнавал так же, как узнал бы её походку в толпе. Короткие, точные коррекции. Никаких лишних манёвров. Скорость чуть выше, чем разумно, ровно настолько, чтобы любой преследователь, решивший повторить, разбился о первую же скалу.

Она всегда летала так, будто убегала. Даже когда убегать было не от кого.

— Сколько до перехвата? — спросил он.

— Если по их маршруту, тридцать один час. Там есть точка, — Тео ткнул пальцем в экран, — где пояс сужается. Она пройдёт через неё. Другого пути нет.

Дэймон посмотрел на точку. Узкий проход между двумя крупными обломками, за ним открытое пространство, километров на сорок. Идеальное место для засады.

Слишком идеальное. Как будто кто-то нарисовал этот маршрут специально для него.

— Ставь курс, — сказал он.

Он лёг около полуночи по корабельному времени, после двух таблеток, которые не помогали, и стакана виски, который помогал ещё меньше. Голова пульсировала ровно и тяжело, как второе сердце.

Заснул он почти сразу. И почти сразу понял, что сон не его.

Холод. Тот же холод, что и в прошлые ночи, только теперь он был не один. В темноте, совсем рядом, кто-то сидел. Дэймон не видел, кто, но чувствовал: тепло живого тела, неровное дыхание, страх, спрятанный глубоко-глубоко, под слоями упрямства, как прячут нож под одеждой. Этот кто-то был совсем рядом, прижимался плечом к чему-то ледяному, и Дэймон чувствовал этот лёд как собственный.

А потом в темноте зажёгся свет. Тусклый, аварийный, вдоль пола. Металлический пол, металлические стены, узкий трап наверх. Трюм. Тесный, грязноватый трюм старого корабля. Где-то в стене капала вода. Кап. Кап. Кап.

У чёрного контейнера, покрытого инеем, на полу сидела женщина. Босая, в одной майке и коротких шортах, поджав под себя ноги. Её колотило от холода. Голова лежала на ледяном металле, глаза были закрыты. Тёмные волосы рассыпались по плечам, а не собраны в узел, и это было неправильно, потому что она всегда собирала волосы, всегда, даже когда спала.

Почти всегда. Кроме тех ночей, когда он сам их распускал.

Дэймон не видел её лица. Она отвернулась к контейнеру. Он видел только линию шеи, острое плечо, тонкие пальцы, которые гладили металл, как гладят по голове больного.

И он слышал. Не ушами. Как будто кто-то третий, лежащий там, внутри чёрного ящика, слышал её голос, а Дэймон слышал этого третьего:

…что-нибудь придумаю. Слышишь? Обещаю.

Обещаешь?

Он проснулся.

Каюта была тёмной. Сердце колотилось в рёбра. Головная боль исчезла, полностью, впервые за три дня, как будто её выключили. А на её месте осталось что-то другое, очень похожее на чужой холод в собственных костях.

Дэймон лежал неподвижно и смотрел в потолок.

Он знал, что это просто сон. Сны ему снились всю жизнь, чужие, бессмысленные, про старух с рыбой и города, которых нет на картах. Ни один из них ни разу не оказался правдой. Он знал это так же твёрдо, как знал, что два плюс два — четыре.

Но через пять минут он всё равно встал, накинул куртку и пошёл в рубку.

Тео дремал в кресле связиста, свесив голову на грудь. На экране в центре Тессеры ровно светилась зелёная метка «Сороки».

Дэймон наклонился к пульту и вывел данные цели. Корвет-разведчик третьего поколения, класс «Стриж». Он нашёл в справочнике схему и долго смотрел на неё. Рубка, жилой отсек, двигательный, грузовой трюм под жилым, узкий трап.

И пометка в разделе типовых неисправностей: «Конденсатор системы охлаждения в правом кормовом отсеке. Склонен к протечкам».

Кап. Кап. Кап.

Дэймон выпрямился. Очень медленно.

— Кэп? — сонно пробормотал Тео, разлепляя глаза. — Что-то случилось?

— Нет, — сказал Дэймон. — Спи.

Он постоял ещё минуту, глядя на зелёную метку. Она двигалась среди камней, маленькая, упрямая, одинокая.

Обещаешь?

— Посмотрим, Ника, — сказал он тихо. — Посмотрим, что ты придумаешь.

Он вернулся в каюту, лёг и до утра больше не заснул. Головная боль так и не вернулась. Зато холод остался. Он лежал в костях ровно и тихо, как чужая рука в его руке.

Глава 4. Абордаж

Сужение в поясе Ника заметила за двенадцать часов до того, как к нему подошла. Проблема была в том, что обойти его было нельзя.

Она сидела в рубке, поджав ногу под себя, и смотрела на карту. Два огромных обломка, каждый размером с небольшой город, медленно вращались навстречу друг другу. Между ними оставался проход шириной в три километра, по меркам Тессеры почти проспект. Дальше на сорок километров тянулось чистое пространство, где не было ни камней, ни льда, и спрятаться было негде.

Если бы она устраивала засаду, она устроила бы её здесь.

— Конечно, здесь, — сказала Ника вслух. — Где же ещё.

Камера под потолком молча смотрела на неё чёрным глазом. За прошедшие сутки Ника нашла ещё четыре: в жилом отсеке, в двигательном, в трюме и, что было особенно мерзко, в душевой. Срывать ни одну она не стала. Пусть Векс думает, что лейтенант Ардан смирилась и послушно летит по графику.

Пусть думает что угодно. Лишь бы не догадалась, что лейтенант Ардан уже девять часов вручную переписывает протоколы аварийного прыжка.

Прыгать из Тессеры было самоубийством. Сюда никто и не прыгал: гравитационное поле пояса гнуло пространство так, что вычислить точку выхода не мог ни один навигационный компьютер. Корабль, который пытался уйти в прыжок отсюда, в лучшем случае выбрасывало за сотню световых лет в случайную сторону, а в худшем его просто никогда больше не видели. Но Ника знала то, чего не знали камеры: у «Сороки» в навигационной памяти лежал старый, ещё разведческий пакет координат, рассчитанный когда-то для вот такого «худшего случая». Шанс уцелеть — один к пяти. Шанс, что Векс туда за ней не дотянется, — гораздо больше.

Один к пяти — это лучше, чем Орфей-7.

Она не стала включать протокол. Просто подготовила его, спрятала под рутинную диагностику двигателя и отложила. На всякий случай.

Потом спустилась в трюм.

Капсула гудела ровно. Пульс двенадцать. Дыхание два. Пики на графике мозговой активности стали чаще, Ника считала их, как считают удары чужого сердца сквозь стену. Голос с той ночи больше не возвращался. Но иногда, когда она стояла рядом, у неё начинало покалывать затылок, а на краю сознания появлялось ощущение внимательного, очень слабого присутствия. Так бывает, когда в темноте кто-то смотрит на тебя и не решается заговорить.

— Мы скоро будем у «Ворот», — сказала она ему. — Это я так называю одно место. Если меня там будут ждать, а меня там будут ждать, нам придётся… в общем, держись. Если сможешь.

Затылок покалывало.

— Будем считать, что это «да», — сказала Ника.

«Шакал» появился на сенсорах ровно в тот момент, когда «Сорока» вошла в проход. Не раньше и не позже. Ника успела подумать, что это красиво сделано. Слишком красиво для обычного наёмника: так прятаться в тени обломка, не выдав себя ни одним всплеском тепла, можно было только зная, где именно и когда она пройдёт.

Векс отдала её маршрут. Своему же перехватчику.

Ника не стала разбираться, зачем. Её пальцы уже лежали на штурвале.

— Неопознанное судно, — раздался в динамике голос, и у неё на секунду остановилось сердце. — Говорит капитан корабля «Шакал». Заглушите двигатели и приготовьтесь к стыковке. Груз — нам, вы — свободны. Сопротивление бесполезно и…

Голос оборвался. Человек на том конце, кажется, понял, что не обязан договаривать фразу, которую никто не дослушает.

Ника сидела очень прямо.

Шесть лет. Хриплый, низкий, немного насмешливый голос. Чуть растянутые гласные, кессидский выговор, от которого он так и не избавился. Она узнала бы его в шуме любого бара, в треске любой связи, на дне любого колодца.

— Ника, — сказал голос уже тише, и это было не по уставу и не по протоколу. — Не делай глупостей.

Она нажала кнопку ответа. Подержала. Отпустила, ничего не сказав. Потом нажала снова.

— Привет, Дэймон, — сказала она и сама удивилась тому, как ровно это прозвучало. — Ты поправился. Тюремная еда пошла на пользу?

Пауза была такой долгой, что ей показалось, будто связь пропала.

— Заглуши двигатели.

— Нет.

И она толкнула штурвал вперёд.

Дэймон знал, что она так сделает. Знал за долю секунды до того, как зелёная метка на экране рванулась вперёд, прямо на «Шакала», вместо того чтобы уйти в сторону. Он знал это, потому что сделал бы то же самое.

— Лас!

— Вижу! — Ласло уже уводил «Шакала» вверх, с такой перегрузкой, что Тео в кресле связиста сдавленно ахнул. «Сорока» пронеслась под ними, так близко, что на секунду в обзорном экране мелькнуло её брюхо: старый облупленный металл, ржавые потёки вокруг дюз, номер, который никто не потрудился закрасить.

— Сумасшедшая баба, — с восхищением сказал Хокк из оружейного отсека.

— Тео, сети!

Тео ударил по пульту. Из подбрюшья «Шакала» вылетели две магнитные сети, развернулись в пустоте серебристыми медузами и понеслись за «Сорокой». Ника увидела их, конечно: метка вильнула, ушла в штопор. Одна сеть пролетела мимо. Вторая зацепила корму.

«Сорока» дёрнулась, как рыба на крючке. Двигатели взвыли на форсаже. Секунда, две, три. Трос натянулся так, что Дэймон увидел, как задрожали стрелки нагрузки.

— Она порвёт нам лебёдку, — сказала Ренна по внутренней связи. — Она порвёт нам, к чёрту, всю корму, кэп!

— Не порвёт. — Дэймон смотрел на экран не моргая. — Её двигатель столько не держит. Ещё десять секунд.

На восьмой секунде двигатели «Сороки» захлебнулись и смолкли.

В рубке стало тихо. Только гудела лебёдка, подтягивая маленький корвет к борту «Шакала».

— Рукав, — сказал Дэймон и пошёл к шлюзу.

Ласло поймал его за локоть.

— Броня, — сказал он. — Надень хотя бы броню.

Дэймон посмотрел на свою руку, на руку Ласло. Голова болела так, что мир по краям окрасился в бледно-лиловое.

— Она не будет в меня стрелять, — сказал он.

— Ты так думал шесть лет назад.

Дэймон вырвал локоть и надел броню.

Абордажный рукав присосался к шлюзу «Сороки» с мокрым чавкающим звуком. Шлюз, как и обещала Ренна, заклинило. Двадцать минут Хокк и Ренна пилили его резаками, и все двадцать минут Дэймон стоял за их спинами, держа руку на кобуре, и слушал, как по ту сторону металла молчит корабль.

Он ожидал чего угодно. Ловушки, газа, бомбы, сдетонированной в шлюзе. Ожидал, что она будет кричать по связи, торговаться, угрожать.

Она молчала. Это было хуже всего.

Крышка шлюза отвалилась внутрь и с грохотом упала на пол.

Коридор «Сороки» был тёмным. Аварийные огни вдоль пола, низкий потолок, запах масла и старого пластика. Где-то впереди капала вода. Кап. Кап. Кап.

Дэймон шагнул внутрь, и у него закружилась голова, так резко, что пришлось опереться о переборку.

Холод. Темнота. Кто-то рядом, совсем рядом, наверху…

— Кэп?

— Всё нормально. — Он выпрямился. — Хокк, со мной. Ренна, держи шлюз. Тео остаётся на связи с Ласом.

Они пошли по коридору. Хокк дышал за спиной ровно и тяжело. «Стриж» был маленьким, всего три поворота от шлюза до рубки, и Дэймон знал схему наизусть, он выучил её прошлой ночью до последнего люка.

Первый поворот. Пусто.

Второй.

Свет погас.

Даже аварийный. Темнота упала разом, абсолютная, без единого проблеска, и в этой темноте раздался тихий щелчок, а потом глухой удар и сдавленный рёв Хокка. Что-то тяжёлое рухнуло на пол.

— Хокк!

Ночное зрение в шлеме включилось с опозданием в полсекунды. Этой полсекунды хватило. Тень метнулась из ниши, которой не было на схеме: Ника, конечно, перестроила корабль, не могла не перестроить. Удар пришёлся ему под шлем, в горло, в единственное место, не прикрытое бронёй. Дэймон отшатнулся, захрипел, но успел поймать запястье, когда второй удар уже летел в висок.

Он знал это запястье. Тонкое, сильное, с выступающей косточкой.

Он развернул её и впечатал спиной в переборку. Она ударила его коленом, он принял удар на бронированное бедро, она вывернулась, как кошка, и в следующий миг у его подбородка оказался нож. Он перехватил её руку с ножом, она перехватила его руку с пистолетом. Они замерли, прижатые друг к другу в тесном коридоре, тяжело дыша.

В зелёном свете ночного видения её лицо было призрачным. Глаза огромные, тёмные. Волосы опять распущены. Она похудела. На скуле новый шрам, которого он не знал.

— Сними шлем, — выдохнула она. — Трус.

— Брось нож.

— Ты первый.

Он чувствовал её всем телом сквозь броню. Чувствовал, как бешено колотится её сердце. Нет, не так. Он не мог чувствовать её сердце сквозь броню. Но чувствовал. Каждый удар отдавался у него в груди, как будто их сердца были соединены проводом.

Под ногами, где-то внизу, в трюме, что-то загудело. Громче. Ещё громче.

— Ника, — сказал он, и голос сломался. — Почему?

Она замерла. Он увидел, как дрогнули её губы.

— Ты правда хочешь поговорить об этом *сейчас*?

— Я хочу поговорить об этом шесть лет.

— Надо было приходить раньше. — Её глаза блестели. — Я ждала.

И тут Хокк, который поднялся с пола с разбитым забралом и кровью на лице, сгрёб её сзади обеими механическими руками.

Ника закричала. Не от боли, от ярости. Она ударила Хокка затылком в лицо, извернулась, нож полоснул по воздуху. Дэймон рванулся вперёд, чтобы разнять их, и все трое, сцепившись, покатились по коридору к открытому люку трапа.

Люк вёл в трюм.

Они упали вниз. Ступени, металл, удар. Дэймон приземлился спиной на что-то холодное и твёрдое, и это что-то под ним жалобно хрустнуло. Над ним с грохотом рухнул Хокк. Где-то сбоку вскрикнула Ника.

Холод ударил в спину так, что перехватило дыхание. Сквозь броню. Сквозь кожу. В самую кровь.

Под ним, прямо под его лопатками, гудела чёрная капсула. И гул этот поднимался вверх, нарастал, рвался из-под расколотой панели визгом аварийных сигналов.

ВНИМАНИЕ. НАРУШЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ. ЭКСТРЕННЫЙ ВЫХОД ИЗ СТАЗИСА. ВНИМАНИЕ…

— Нет, — сказала Ника где-то совсем рядом, и в её голосе был настоящий ужас. — Нет, нет, слезь с него, слезь!

— С кого?

Дэймон скатился на пол и обернулся.

Смотровое окно капсулы треснуло наискось. Сквозь трещину валил белый пар. А за паром, внутри, мужчина с длинными белыми волосами медленно, очень медленно открывал глаза.

Глаза были серебряными.

И они смотрели прямо на Дэймона.

Кай Сол-Террен не помнил, кто он.

Первым вернулся холод: долгий, давний, такой, словно он пролежал на дне ледяного озера сто лет. Потом вернулась боль: та, что всегда, справа, в пустоте, где раньше был Тэль. Потом вернулся свет: резкий, режущий, сквозь трещины в чём-то прозрачном над его лицом.

А потом вернулось то, чего не могло быть.

Голоса.

Не ушами. Внутри. Два разума, совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Один — яркий, горячий, грубый, как пламя в печи, полный боли и ярости, и где-то глубоко-глубоко в нём, под рубцами, звучало что-то знакомое, вэйринское, невозможное. Второй…

Второй был колодцем. Тёмным, глубоким, без дна. Но на дне колодца горел огонь. Он помнил этот огонь. Он помнил голос, который сказал: *что-нибудь придумаю. Обещаю.*

Ты, — подумал Кай, и его мысль сорвалась с губ хриплым шёпотом, первым звуком за много дней:

— Ты.

Женщина отшатнулась. Мужчина в броне медленно поднял пистолет.

Под полом ударила вибрация. Взвыли сирены, уже другие, корабельные, и механический голос «Сороки» произнёс ровно и без выражения:

Протокол аварийного прыжка активирован. Расчёт координат завершён. Прыжок через десять секунд. Девять…

Женщина побелела.

— Я его не включала, — прошептала она. — Я его не… это не я…

— Ника!

— Восемь…

— Это не я! — закричала она. — Он был спрятан! Его кто-то запустил снаружи!

Дэймон посмотрел вверх, на чёрный глаз камеры под потолком трюма. Камера смотрела на них равнодушно.

— Семь…

— Хокк, наверх, к шлюзу! — рявкнул он в связь. — Ренна, отстыковывайтесь! Лас, уводи корабль!

— Кэп, а ты?!

— Шесть…

— Отстыковывайся, я сказал!

— Пять…

Хокк, шатаясь, полез по трапу. Дэймон рванулся следом. Сделал шаг, второй…

И упал на колени. Голову словно разрезало пополам. В глазах вспыхнуло белым. Холод, который жил у него в костях последние двое суток, вдруг натянулся, как трос, и потащил его назад, к капсуле. К женщине. К серебряным глазам.

— Четыре…

Ника стояла на коленях у капсулы, вцепившись в края треснувшего окна. Её тоже трясло. Губы у неё были синими.

— Я не могу отойти, — сказала она с недоумением, глядя на него. — Дэймон, я не могу…

— Три…

Наверху, над трапом, лязгнул рвущийся абордажный рукав. По корпусу прокатился удар: «Шакал» отстыковался. Дэймон успел подумать: *хорошо. Успели.*

— Два…

Белая рука высунулась сквозь трещину в окне капсулы и сомкнулась на запястье Ники. Ника вскрикнула. Дэймон, сам не понимая зачем, протянул руку и схватил её за другое запястье.

Холод. Огонь. Колодец.

— Один.

Космос сложился внутрь.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.